

- 10 лет - с. 7

Регимантас Адомайтис

Играю иностранцев: раньше — американцев, теперь — русских

После долгого перерыва я случайно увидел народного артиста СССР и лауреата госпремий, киноактера Регимантаса Адомайтиса в немецком детективе «Рюмкой больше», показанном по местному вильнюсскому кабельному телевидению. Регимантас играл роль российского сыщика из Санкт-Петербурга, помогающего своим немецким коллегам сражаться с русской мафией, элегантно, убедительно и почти без акцента говорил по-русски. Внимание невольно остановил эпизод, связанный с газетой «Известия», которая, как впоследствии выяснилось, сыграла в фильме ключевую сюжетную роль: она помогла немецким полицейским поймать опаснейшего преступника. С этого эпизода в фильме и началась наша беседа с киноактером.

— Регимантас, прежде всего спасибо за столь своеобразную рекламу «Известий». Интересно, это случайный выбор?

— Нет. Вашу газету мы позаимствовали в консульстве. Требовалось российское издание, которое было бы известно немецкому зрителю, и выбор пал именно на «Известия». Статья о поимке сообщника этого русского мафиози в солидном и популярном издании должна была убедить его в том, что сотрудничество бессмысленно, надо отпустить заложника и сдаться. Я ткнул ему эту статью в лицо, он отвлекся, стушевался — и тут же был арестован. Так что в некотором роде «Известия» оказались моим партнером...

— Похоже, в последние годы вы переключились с российского кино на немецкое. Насколько мне известно, это далеко не первая ваша «западная» картина?

— Это продолжение давнего сотрудничества с киностудией ДЕФА. «Рюмкой больше» — лишь очередной фильм в моей «немецкой» серии. Сейчас я опять снимаюсь в Германии. Пока в уходящем году это единственная моя работа в кино. Приглашений из России нет, хотя мне грех жаловаться на отсутствие внимания. В прошлом году, например, я снялся на киностудиях в Москве, Риге, Минске, Киеве. Самой большой работой, длившейся почти год, была главная роль в фильме М.Ибрагимбекова «Мужчина для молодой женщины». Картины, к сожалению, в окончательном варианте я не видел и не знаю, какова ее судьба. Откровенно говоря, я соскучился по старому доброму кино, где в центре внимания был, пусть порой в неприхотливой художественной форме, духовный мир человека, а не умение стрелять, бегать, ловить мафиози и водить машину. Правда, и раньше мне приходилось играть крутых иностранцев, преимущественно американцев, а теперь вот русских. Однако в образах был характер, были чувства. Они, а не увлекательные трюки, правили бал в киносценарии.

— Вас не задевает, что российский кинематограф все больше отворачивается от некогда гремевших на весь Союз актеров из Прибалтики, можно сказать, эта страница в истории российского кинематографа уже перевернута?

— Не стоит спешить со столь категоричными утверждениями. Нас еще рано хоронить, хотя, положив руку на сердце, особых иллюзий я не питаю. Со смертью Витаутаса Жалакявичюса наше поколение, как в России говорят, шестидесятников, ушло в прошлое. Для меня его смерть — это конец целой эпохи не только литовского, но и российского кино. Я чувствую, что он, «родивший» меня для кино — после роли Донатаса в «Никто не хотел умирать» я стал знаменитым, — унес с собой и частичку меня самого.

— Вы, кажется, настроены излишне пессимистично...

— Я просто трезво смотрю на жизнь. Он ведь определил не только мою творческую судьбу, но и личную. Не будь его сценария фильма «Чувства», я не познал бы со своей женой Эугенией, певицей, игравшей в этой картине небольшую роль. И первый мой сын, Витаутас, назван в его честь. Мы как раз работали вместе на съемках фильма «Это сладкое слово — свобода». Вся моя жизнь в кино — это пребытие в его энергетическом поле высочайших художественных критериев. Он был максималистом, никогда не позволял себе опускаться до уровня халтуры. Поэтому практически ничего не создал в последние годы как режиссер, лишь писал и писал сценарии. Он был скорее писателем, нежели кинорежиссер. Все это оборвалось. Будут абсолютно другие люди. Может, не менее талантливые, но другие. Пришло их время. И это время не мое, хотя я, безусловно, продолжаю сниматься в кино, играть в театре. Мы, как нас раньше представляли талантливого прибалтийской актерской школы, уже мало кому нужны. Нет спроса. Такова реальность.

— Было бы спросом нет и на российских актеров, но вы, наверное, правы, и прибалтийский кинематографический бум завершился. Но друзья-то в Москве, Санкт-Петербурге остались?

— Слава Богу, да. Правда, в Санкт-Петербурге поменьше, так как на «Ленфильме» я лишь однажды снимался — в роли Эдмунда в кинотелесериале «Короле Лиге». Поддерживаю дружеские отношения с Николаем Караченцовым, с которым вместе работали в «Тресте, который лопнул», со многими другими актерами и режиссерами. Бо-

лее частым встречам, увы, мешают визы, границы, цены, дорожные хлопоты. Уже не сядешь в поезд и не съездишь на субботу-воскресенье к своему московскому другу. Меня угнетают эти искусственные преграды. Культурные, просто дружеские связи надо всячески поддерживать, не давать им угаснуть. Односторонняя культурная ориентация на Запад, модная ныне в Литве, на мой взгляд, в корне неверна. Россия — это тоже Европа, с ней мы связаны тысячами духовных нитей. Ведь столько лет просуществовали вместе. Это нельзя сбрасывать со счетов. Это богатейший культурный слой. Я не случайно стал членом правления общества «Литва—Россия». Хочу использовать свои знания и жизненный опыт на благо развития наших отношений. Нам нельзя забывать русский язык, русскую культуру, кино, театр.

— Два года назад вы ушли из Литовского академического драматического театра и лишь не так давно вернулись на родную сцену. Как вы смогли прожить вне театра целых два года, театра, которому вы отдали около тридцати лет своей жизни?

— Было трудно. Спасали съемки в кино, работа. Я ушел из театра без всякого скандала. Просто не хотел участвовать в том, что задумал новый режиссер. В другой театр перейти не смог и только после смены театрального руководства вернулся в театр. Уже получил и играю роль Сэра в спектакле «Костюмер» по пьесе Харвуда. Играю с превеликим удовольствием. Репетирую роль Казарина в лермонтовском «Маскараде». Однако лучшие мои роли — в прошлом. Это прежде всего Франц в «Альтонских узниках» по Сартру. Впрочем, большие надежды возлагаю и на роль Сэра, так что я вовсе не мрачный пессимист... Характер у меня самодовольный. Меня преследует, съедает вечная неудовлетворенность собой. Это, разумеется, мешает жить, работать, раздражает, но что поделать? Себя не изменишь. К счастью, в нужные моменты умею взять себя в руки и убедиться, что я все-таки талантлив, одарен, артистичен, что у меня все получится и т.д.

— А не пытались поменять профессию, например, стать режиссером?

— Не мое это дело.

— Но нежелание заниматься своим делом не помешало вам стать политиком. Под занавес перестройки вы даже были избраны народным депутатом СССР от Театрального союза, участвовали в деятельности «Саюдиса», ходили на митинги.

— В политику меня втянули против моей воли. Некоторое время поучаствовав в работе различных съездов и форумов, окончательно убедился в том, что политика мне чужда. Мне были близки идеи «Саюдиса». Но вовремя понял, что от политики мне надо держаться подальше. Я отказался баллотироваться в члены литовского парламента. Чтобы быть полноправным политиком, надо хотя бы разбираться в общественно-политических процессах, в экономике и финансах. И без моей скромной персоны в политике немало дилетантов и болтунов, тех, кто толпится у властной кормушки. Мое дело — быть актером, совестливым и законопослушным гражданином, добрым семьянином. Этим я принесу людям и обществу гораздо больше пользы.

— О добром семьянине. Скоро католическое Рождество. С кем и где вы его проведете?

— Я родился в католической семье в небольшом городке Пасвалис на севере Литвы и в детстве часто ходил вместе с родителями в костел. Потом увлекся физикой. Атеистическое воспитание сделало свое дело. В костел не хожу, но считаю себя верующим. Мне близок моральный кодекс католицизма. Но кажется, начини я отправлять церковные обряды, это было бы с моей стороны лицемерием. Не хочу упреков в перерождении, игре на публику и пр. Но традиции соблюдаю строго. Рождество, как и положено, проведу в кругу семьи с женой Эугенией и сыновьями Гедиминасом, студентом актерского факультета Вильнюсской консерватории, и Миндаугасом, которому исполнилось 16 лет. Старший сын Витаутас, к сожалению, не сможет приехать на рождественские каникулы. Он учится в США, в Чикагском университете, изучает политологию и международные экономические отношения.

— Регимантас, вы домосед?

— Да. Не люблю ничего менять: квартиру, дачу, мебель, друзей, жену — она у меня всю жизнь одна. Не чувствую в себе охоты к перемене мест, не рвусь в командировки. Я консервативен по складу характера. Наверно, актер должен быть легким на подъем, должен свободно сходить и расходиться. У меня не получается. Впрочем, я серьезно и не пробовал. Никогда не строю далеко идущих планов, чтобы не страдать, когда они из-за превратности нашей профессии рушатся. Стараюсь не суетиться. В шестьдесят лет, согласитесь, это глупо. Так что если вы решили завершить нашу беседу традиционным вопросом «о планах», то сразу отвечу — их у меня нет. Буду работать до тех пор, пока буду нужен. Вернее, пока буду чувствовать, что я еще нужен.

Николай ЛАШКЕВИЧ,
«Известия».

ВИЛЬНЮС.